

ЛИЧНЫЕ СПОСОБНОСТИ И ВЗАИМНОЕ ПРИЗНАНИЕ*

П. РИКЁР

Премия, которой я удостоиваюсь и за которую я выражаю свою искреннюю благодарность Центру Джона У. Ключе Библиотеки Конгресса США, мотивирована гуманизмом моего творчества, который получил признание со стороны его великодушных руководителей. Изложению некоторых основополагающих идей этого гуманизма посвящены следующие мои размышления.

Название текста двойственно: с одной стороны, оно означает способности, которые человек-деятель приписывает себе; с другой — оно обращено к другому с целью придания этой уверенности социального статуса. Общим моментом двух полюсов данной двойственности является личная идентичность.

I

Я идентифицирую себя с помощью своих способностей, с помощью того, что я могу сделать. Индивид обозначает себя как человека способного — не без того, чтобы к этому можно было добавить: ...и страдающего, подчеркивая тем самым уязвимость человеческого удела.

Способности можно рассматривать извне, однако они глубинным образом ощущаются, живут, мы в них уверены. Такая уверенность не является верой, понимаемой в качестве низшей ступени знания. Это — уверенность в себе, родственная свидетельствованию. Я говорю здесь об аттестации: по существу аттестация есть для «я» то, чем является свидетельствование о событии, о встрече, о случившемся.

Мы можем установить типологию основополагающих способностей, связав ее с тем, что врожденно нам, и что достигнуто. Эти основополагающие способности образуют первый пласт человечности, если иметь в виду противостояние человеческого и нечеловеческого. Изменение идей и вещей, являющееся одним из аспектов идентичности, на человеческом уровне приобретает драматический аспект — аспект личной истории, заплутавшей в многочисленных историях наших собратьев по существованию. Личная идентичность отмечена временностью, о которой можно сказать, что она конститутивна. Личность *есть* история. В наброске типологии, которую я предлагаю,

* Оригинальное название: «Asserting Personal Capacities and Pleading for Mutual Recognition». Речь при получении премии Ключе в Библиотеке Конгресса США 20 декабря 2004 г.; переведена и опубликована в журнале «Esprit» 7 июля 2005 г., затем в «Revue des revues» в декабре 2005 г. Это — один из последних текстов Поля Рикёра, который, будучи не в состоянии приехать в Вашингтон, поручил передать его Катерине Гольденштайн. Он включен в качестве эпилога в т. 3 «Рукописей и выступлений» П. Рикёра.

я шаг за шагом рассматриваю способности говорить, действовать, рассказывать, к которым присоединяю вменяемость и обещание. В этой обширной панораме способностей, утверждаемых и взятых на себя человеком-деятелем, главный акцент перемещается с полюса, на первый взгляд, морально нейтрального к полюсу в высшей степени моральному, где субъект способный аттестует себя как субъект ответственный.

Несколько слов о каждой из этих способностей. Под «способностью говорить» следует понимать способность более специфическую, чем общий дар говорения, выражающегося во множестве языков, каждый из которых имеет свою морфологию, свою лексику, свой синтаксис, свою риторику. Уметь говорить означает спонтанное производство осмысленного дискурса. В дискурсе кто-то говорит что-то кому-то, следуя общим правилам. Говорить что-то означает смысл, говорить о чем-то — указание на вне-лингвистическое, кому-то — указание на адресата, основу разговора. Под «умением действовать» я понимаю способность порождать события в обществе и природе. Такое вторжение преобразует понятие события, которое (теперь не означает только) то, что случается. Оно вводит человеческую случайность, неуверенность и непредсказуемость в ход вещей.

Способность рассказывать занимает особое место среди других способностей, поскольку события, какой бы исток они ни имели, становятся читаемыми и интеллигибельными, только если рассказаны в тех или иных историях; тысячелетнее искусство рассказывать истории, соотнесенное с «я-сам», поставляет рассказы о жизни, которые история историков связывает между собой. Составление рассказа свидетельствует о разветвлении идентичности, которая не является более той же самой и включает в себя изменение в качестве неожиданной перипетии. Отныне можно говорить о повествовательной идентичности: именно повествовательная идентичность интриги рассказа остается незавершенной и открытой возможности рассказывать ее по-другому и другими.

Вменяемость образует явно моральную способность. Действующий человек принимается за подлинного автора своих действий, каковы бы ни были их органические и физические причины. Взятая на себя деятелем, вменяемость делает его ответственным, способным приписывать себе часть последствий действия; действуя во вред другому, вменяемость ведет к возмещению и к санкциям (уголовным).

Обещание возможно именно на этой основе: субъект включается в говорение и сообщает сегодня о том, что сделает завтра. Обещание ограничивает непредсказуемость будущего, риск предательства: субъект может либо сдержать, либо не сдержать свое обещание; он подключает обещание держать свое слово, быть надежным.

II

На первый взгляд эти основополагающие способности не требуют признания другим: уверенность в возможности делать внутренне присуща человеку. Да, это так. Тем не менее каждый вызывает к визави: речь адресуется кому-то, тому, кто способен ответить, задать вопрос, вступить в разговор, в диалог. Действие совершается совместно с другими, которые могут либо помочь, либо помешать; рассказ объединяет множество протагонистов в единую интригу; жизненная история соединяется со множеством других жизненных историй; что касается вменяемости, зачастую связанной с обвинением, она делает меня ответственным перед другим; если говорить более строго, она делает сильного ответственным за слабого и уязвимого. Наконец, обещание вызывает к свидетелю, который получает его и берет на заметку; более того, оно, в итоге, нацелено на благо другого, если не преследует цели мщения или причинения вреда. Чего же недостает в этих многочисленных включениях другого в личную уверенность в умении что-то делать, так это взаимности, обоюдности, которые одни только и позволяют говорить о признании в сильном значении этого слова.

Обоюдность не дается сама собой, именно поэтому она затребована; эта затребованность осуществляется не без конфликтов и борьбы. Идея борьбы за признание находится в сердцевине современных социальных отношений. Миф о естественном состоянии придает конкуренции, недоверию, высокомерному утверждению одиночной славы роль основания и истока: в этой войне всех против всех царил бы только страх насильственной смерти. Такой пессимизм, касающийся основы человеческой природы, идет в ногу с прославлением абсолютной власти суверена, внешнего по отношению к договору о повиновении граждан, освободившихся от страха. Отрицание признания оказывается, таким образом, включенным в общественный институт. Можно отыскать первое обращение к взаимности в характере естественного права (столь же изначально, что и война всех против всех), где равное уважение признавалось бы за всеми, кто договаривается о социальной связи. Моральный характер социальной связи считался бы в таком случае неустрашимым. То, чего не признает естественное право, так это значения борьбы в завоевании равенства и справедливости и роли негативных поступков в мотивации борьбы — отсутствие справедливости и уважения, презрение, не говоря уж о насилии во всех его психических и физических формах.

Борьба за признание осуществляется на нескольких уровнях. Она начинается на уровне аффективных отношений, связанных с задачей жизни, сексуальности и родственных связей. На вершине своей она являет собой переплетение генеалогических вертикальных отношений и горизонтальных брачных отношений, имеющих своей границей семью.

Борьба за признание развивается в юридическом плане гражданских прав, в центре которых идеи свободы, справедливости и солидарности. Прав нельзя требовать для «я», если они, основываясь на равенстве, не признаны за другими. Это расширение индивидуальных способностей, вытекающее из статуса юридической личности, касается не только совокупности гражданских прав, но также и [их] применения к новым категориям индивидов вплоть до тех, кого презирают. Такое расширение является причиной конфликтов, [касающихся] и исключений, связанных с социальным неравенством, а также с дискриминациями, унаследованными от прошлого и все еще больно ударяющими по различным меньшинствам.

Однако презрение, унижение проникают в социальную связь в том плане, который превышает правовое поле. Речь идет о социальном уважении, которое адресуется личной ценности и способности стремиться к счастью в соответствии с собственным пониманием счастливой жизни. Эта борьба за уважение имеет своими границами разнообразными жизненные ситуации. Так, на предприятии — это борьба за престиж, за повышение собственного ранга на ступенях иерархии власти; в сфере проживания — борьба за соседские отношения, за доступность множественных встреч, из которых соткана повседневная жизнь. Но всегда — это личные способности, требующие признания со стороны другого.

III

Вопрос тогда заключается в том, чтобы узнать, состоит ли социальная связь исключительно в борьбе за признание, а не находится у истоков своего рода благожелательности, связанной с подобием одного человека другому в огромной человеческой семье.

Мы испытываем сомнение и неудовлетворенность, когда речь заходит о практике борьбы. Выражающее себя требование признания неутолимо: разве бываем мы когда-нибудь достаточно признаны? В этом поиске есть своего рода дурная бесконечность. Фактом является также то, что мы ставим опыты по действительному признанию в условиях умиротворенности. Его модель обнаруживается в практике церемониальных обменов дарами в архаических обществах. Этот ритуальный обмен не совпадает с торговым обменом, состоящим в купле-продаже в соответствии с договором об обмене. Логика обмена дарами — это логика взаимности, которая создает обоюдность; она состоит в призыве к ответному дарению, содержащемуся в акте дарения.

Откуда берется такое обязательство? Некоторые социологи искали в обмениваемой вещи магическую силу, которая заставляет дар циркулировать, обращая его к начальной точке. Я предпочитаю следовать тем, кто видит в обмене дарами взаимное признание, которое, как

такое, не дает о себе знать и символически выражает себя в обмениваемой вещи, становящейся его залогом. Такое косвенное признание было мирным противодействием борьбе за него. Так могла выразить себя обоюдность социальной связи. Дело не в том, что обязательства ответа создавали зависимость получателя дара от дарителя; жест дарения был приглашением к ответному великодушию. Эта цепь великодушия является моделью действенного опыта признания без борьбы, которая находит выражение во всех перемириях, создающих компромиссы, следующие за переговорами между социальными партнерами.

Образование политической связи, делающей нас гражданами исторического сообщества, кроме этой практики компромиссов, вероятно, проистекает не только из заботы о безопасности и защиты частных интересов, но также из чего-то такого, как, например, «политическое миролюбие», носящее по существу мирный характер. Самый очевидный след церемониального обмена присутствует в практиках великодушия, которые в наших обществах заменяют собой торговые обмены. Дать новую жизнь жесту, который идет вразрез с корыстным подсчетом: это зависит от того, кто получает ответ от дарящего, руководствуясь подобным великодушием. Такое бескорыстие получает публичное выражение в ходе торжеств, в семейных или дружественных празднествах. Вообще, празднование в наших торговых обществах является наследником церемонии дарения. Оно прерывает ход рынка и умеряет его насилие, внося в него свое миролюбие.

Такое переплетение борьбы и праздника, вероятно, является признаком абсолютно изначального отношения, стоящего у порога социальной связи, — между недоверием, царящим в войне всех против всех, и доброжелательностью, вызванной встречей с другим, мне подобным, человеком.

Перевод с французского И.С. Вдовиной